

ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Синякин Иван Игоревич

Доцент кафедры международного права
Московского государственного института международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук,
доцент (Москва), ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

В современном международном праве количество международных договоров, не только представляющих интерес и значимых для всего международного сообщества, но и предусматривающих основы мирового правопорядка и безопасности, незначительно. Среди них можно выделить Устав ООН 1945 г. и Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Фундаментальный характер закрепляемых этими соглашениями положений обуславливает как гарантию стабильного функционирования международно-правового регулятора на универсальном уровне, так и высочайшие требования к любым изменениям данных основ и особенно их заменам. Вступивший в силу Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г., призванный заменить Договор 1968 г., ставит массу вопросов о возможности считаться такой «надлежащей заменой». Договор 2017 г. анализируется в статье с разных позиций: потенциального вклада в международную безопасность, повышения эффективности предотвращения гипотетического ядерного конфликта, соотношения с положениями Договора 1968 г., основ права международных договоров. Подобный подход позволяет выявить слабые стороны предлагаемого режима, а главное – понять истинные намерения разработчиков Договора 2017 г., реальность их стремления к действительному всеобщему ядерному разоружению.

Ключевые слова: Договор о запрещении ядерного оружия, поддержание международного мира и безопасности, право международных договоров

Для цитирования: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 6. С. 5–12. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.

TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS: INTRODUCTION TO THE PROBLEM

Sinyakin Ivan

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, candidate of juridical sciences (Moscow),
ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

In contemporary international law the number of treaties that are not only of interest and significance to the entire international community but also provide the foundations for global legal order and security is limited. Among them – the UN Charter of 1945 and the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons of 1968. The fundamental nature of the provisions established by these agreements brings about both a guarantee of the stable functioning of the universal international legal regulator and the highest standards for any changes to these foundations, especially their replacements. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, which entered into force in 2021 and intended to replace the Treaty of 1968, raises numerous questions about its potential to be considered a «proper replacement». This article analyzes the Treaty of 2017 from various perspectives: its potential contribution to international security, its effectiveness in preventing a hypothetical nuclear conflict, its relationship

with the provisions of the Treaty of 1968, and the grounds of the law of treaties. Such an approach allows to identify the weaknesses of the proposed regime and, most importantly, to understand the true intentions of the developers of the Treaty of 2017 and the reality of their aspiration for genuine global nuclear disarmament.

Key words: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, maintaining of international peace and security, law of treaties

*For citation: Sinyakin I. (2024) Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 5–12, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_6_5.*

Универсальные международные договоры, касающиеся оружия массового уничтожения, всегда имели особое значение для обеспечения международного мира и безопасности (особенно Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г.; далее – ДНЯО). Однако Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. не только рискует остаться неэффективным и неспособным достичь заложенной в него цели, но и может инициировать весьма порочную практику международного нормотворчества, подорвать веру в складывавшиеся десятилетиями механизмы глобального разоружения и даже подменить действительно необходимые шаги ко всеобщему миру имитацией попыток поиска путей решения.

Итак, 22 января 2021 г. вступил в силу Договор о запрещении ядерного оружия, принятый на Конференции ООН 7 июля 2017 г. (далее – ДЗЯО, Договор). На начало 2025 г. в нем участвует 73 государства и еще 21 продолжает процесс оформления своего участия. При этом в подготовке ДЗЯО не участвовала ни одна из пяти ядерных держав; ни одно государство-член НАТО (кроме Нидерландов), ни одна страна, имеющая соглашения о безопасности с США¹. Более того, Россия, США, Франция и Великобритания прямо заявили о своем нежелании становиться участниками, поскольку Договор не способен обеспечить безопасность какого-либо государства, международный мир и стабильность, а Китай обусловил ядерное разоружение обязательным участием в нем всех ядерных государств². Вдобавок в настоящее время отмечается сохранение интереса ядерных государств в продолжении ядерных испытаний и модернизации ядерных арсеналов³, высказывается мнение о том, что ядерные державы (*de facto*

¹ Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? / под ред. Е. Б. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 48–49.

² Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 44–45, 47; Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Подорывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 106–107; *Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs*. 2019. Vol. 95 (5). P. 1081–1082; *Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 402–403; Ruff T. Negotiating the UN Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Role of ICAN // Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 4. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1465908> (дата обращения: 10.01.2025); *Scheffran J. Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 2. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1472565> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 3–47; Гусейнов К. К. Почему невозможен французский «ядерный ноль»? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2019. № 3 (191). С. 185–193; Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6 (582). С. 50–56; Круглов В. В., Шушлебин А. С. Анализ возможностей иностранных государств по скрытию ядерных испытаний // Военная мысль. 2018. № 2. С. 82–89; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 161–166; Шушлебин А. С., Кривоногов А. Н. Возможность зарубежных стран по испытанию ядерного оружия в рамках международного договора // *I-methods*. Т. 10. 2018. № 3. С. 50. При этом неверно было бы утверждать, что ядерные государства являются противниками ядерного разоружения. Так, ядерными державами и их союзниками предлагалось сохранить процесс ядерного разоружения согласно ДНЯО и в соответствии с решения-

и *de jure*) стремятся исключить любую возможность, чтобы положения ДЗЯО обрели силу норм обычного права¹. Кроме того, ДЗЯО не поддержали более 60 неядерных государств, имеющих с ядерными державами союзнические соглашения, в том числе предоставляющие право размещать на их территории ядерное оружие². Неучастие ядерных государств на всех стадиях заключения ДЗЯО подчеркивает отсутствие какой-либо основы для их потенциального волеизъявления в будущем, а также делает сомнительным значимость Договора для разоружения в целом и поставленной задачи – в частности³. Этот вывод дополняется и составом инициаторов и разработчиков текста ДЗЯО: неядерные государства, международные и внутригосударственные общественные движения (около 450 неправительственных организаций по всему миру), отдельные ученые и политики⁴. Перспективность подобных усилий весьма точно оценена премьер-министром Канады Дж. Трюдо: «Самые разные люди могут говорить о ядерном оружии, но если у них нет такого оружия, то это бессмысленное занятие»⁵.

Как политический шаг ДЗЯО имеет огромный потенциал независимо от конкретного содержания и состава участников. Но ДЗЯО как международный договор – это, прежде всего, источник прав и обязанностей государств, его настоящая действенность в первую очередь обусловлена юридической «полноценностью», отражающей соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, реалиям современной системы международной безопасности и действительному волеизъявлению всех заинтересованных сторон. А потому именно юридический анализ Договора способен наиболее объективно определить его «жизнеспособность».

ДЗЯО состоит из преамбулы, основных обязательств (ст. 1–9, 12) и заключительных положений (ст. 10–11, 13–20). В настоящем, вступительном исследовании проанализированы положения преамбулы (ст. 1, 3, 4, 6–8, 17, 18, 20 будут рассмотрены в последующем). Остальные статьи Договора либо содержат положения, вытекающие из основных обязательств⁶, либо носят «технический», процедурный характер⁷, а потому представляют второстепенный интерес для изучения.

Преамбула ДЗЯО содержательно состоит из целей, принципов и программных установок, заимствованных из преамбул целого ряда международных договоров⁸: обеспечение и сохранение международного мира и безопасности в соответствии с Уставом ООН; воздержание от угрозы силой или ее применения; предотвращение распространения ядерного оружия и полное его уничтожение под строгим и эффек-

ми, принятыми на обзорных конференциях его государств-участников (например, уничтожение ядерного оружия до его юридического запрещения). См.: *Володин Д. А.* Указ. соч. С. 37.

¹ *Tannenwald N.* The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond the Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 126.

² *Марусин И. С.* Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2018. № 1 (336). С. 26; *Михайленко Е. Б., Михайленко В. И.* Указ. соч. С. 106; *Трунов Ф. О.* Феномен державы без права на обладание ОМУ/ОМП: Германия и кризис контроля над вооружениями // *Актуальные проблемы Европы.* 2020. № 3 (107). С. 119–136.

³ *Lito M.* Introductory Note to Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *International Legal Materials.* 2018. Vol. 57. P. 348–349.

⁴ *Козин В. П.* Указ. соч. С. 57; *Müller H.* The Future of the Non-proliferation Treaty // *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017* / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 152; *Ruff T.* Op. cit. P. 1–2; *Tannenwald N.* Op. cit. P. 119.

⁵ *Шушлебин А. С., Кривоногов А. Н.* Указ. соч. С. 46.

⁶ Статьи 2, 3, 5, 12.

⁷ Статьи 9–11, 13–16, 19.

⁸ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г., Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г., Договор о нераспространении ядерного оружия от 12 июня 1968 г., Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 5 декабря 1979 г., Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний от 10 сентября 1996 г., договоры о безъядерных зонах, конвенции о запрещении бактериологического и химического оружия и др. Кроме того, текст преамбулы ДЗЯО перекликается с Консультативным заключением Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. См.: *Rietiker D.* The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // *Nuclear Non-Proliferation in International Law.* Vol. IV. P. 332–336.

тивным международным контролем на благо всего человечества; содействие развитию мирной ядерной энергетики; подтверждение приверженности обязательствам по ранее заключенным универсальным международным договорам и т. д. Новыми для указанной группы международных договоров стали три положения преамбулы.

Первое касается попытки распространить на применение ядерного оружия основы международного гуманитарного права: запрещение нападения неизбирательно-го характера, соразмерность и предосторожность при нападении, запрет причинения чрезмерных повреждений и излишних страданий, несовместимость применения ядерного оружия с принципами гуманности и требованиями общественного сознания. С одной стороны, такие положения ранее не встречались в международных договорах, касающихся ядерного оружия, что обусловлено как юридическим закреплением в ДНЯО права постоянных членов Совета Безопасности ООН обладать таким оружием (ядерные государства *de jure*), фактическим обладанием ядерным оружием неучастниками ДНЯО¹ (ядерные государства *de facto*), так и отсутствием международно-правового запрета (договорного или обычного) применять ядерное оружие². С другой стороны, подобные нормы выступают частью общего международного права в отношении других классов оружия массового уничтожения: бактериологического и химического. Поскольку указанные нормы не являются общим международным правом в отношении ядерного оружия, рассматриваемое положение преамбулы представляет собой не подтверждение факта существования обязательства, не отражение складывающейся в международном праве тенденции, а лишь цель договорной регламентации, то, чем данные нормы могут стать, если в ДЗЯО будут участвовать все государства мира.

Вторым «новшеством» преамбулы стало признание равного, полного и эффективного участия как женщин, так и мужчин в качестве одного из факторов поощрения и обеспечения устойчивого мира и безопасности, а также заявление о приверженности поддержанию и укреплению эффективного участия женщин в ядерном разоружении³. В доктрине это объясняется более опасными (в сравнении с мужчинами) физиологическими и психологическими последствиями для здоровья, а также трудностями, с которыми женщины сталкиваются в случае неизбежной эвакуации и переселении после применения ядерного оружия, и даже тем, что женщины более миролюбивы, чем мужчины⁴. Формулировка Договора и приведенные обоснования ставят несколько вопросов. Прежде всего сомнение вызывает сам факт существования какой-либо дискриминации женщин в вопросе участия в ядерном разоружении. Ни один международный договор, касающийся оружия массового уничтожения, никогда не устанавливал, не поощрял и даже не затрагивал вопросы прав женщин, что само по себе в силу объекта и целей этих договоров не может рассматриваться в качестве их недостатков. По своей сути разоружение представляет собой многоплановый процесс, включающий в себя значительный комплекс мероприятий как на международном, так и на внутригосударственном уровне, требующих в первую очередь участия специалистов в определенных областях, а не паритета по половому признаку. Наконец, с точки зрения международного права основными участниками процесса и режима разоружения / нераспространения ядерного оружия и средств их доставки являются государства, чей статус установлен соответствующими международными договорами, в том числе и самим ДЗЯО. Статус мужчин и женщин в части ядерного разоружения нигде не предусмотрен и маловероятен как объект международно-правового регулирования. Несмотря на то что язык данного положения более характерен для соглашений в области прав человека⁵, следует отметить, что в рамках преамбулы ДЗЯО эта формулировка, как и доктринальные пояснения включения данных конструкций в текст, более близка к политическому заявлению, а использование подобных конструкций в международных договорах размывает юридическую

¹ Израиль, Индия, КНДР, Пакистан.

² Законность угрозы ядерным оружием или его применения. Консультативное заключение Международного суда ООН от 8 июля 1996 г. // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 107–118.

³ В тексте Договора аналогичные положения встречаются в ст. 6.

⁴ *Venturini G. Gender Perspective on Nuclear Weapons and Human Rights // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. P. 104–105, 111.*

⁵ *Rietiker D. Op. cit. P. 349.*

ценность всего текста источника права, приближая его по языку к тексту деклараций или резолюций международных организаций.

Наконец, третьим пунктом стало признание важности образования по вопросам мира и разоружения во всех его аспектах и повышения осведомленности о рисках и последствиях применения ядерного оружия. Учитывая то, что первое применение ядерного оружия имело место в 1945 г., а последнее его испытание произошло в КНДР уже после подписания ДЗЯО (3 сентября 2017 г.), можно полагать, что к настоящему моменту международным сообществом накоплен значительный объем информации и по аспектам разоружения, и по аспектам последствий применения ядерного оружия. Иными словами, данная инициатива лишь подтверждает самоочевидные вещи.

Таким образом, формулировки преамбулы ДЗЯО, по сути, воспроизвели общеизвестные постулаты, на которых строятся отрасли права международной безопасности и институт разоружения. С одной стороны, обозначенная «общепризнанность» целей и значимость предмета могут привлечь к участию в ДЗЯО широкий круг государств, с другой стороны, очевидность повторяемых положений, являющихся в своем большинстве обязательствами *erga omnes*, делает бессмысленной всю вступительную часть ДЗЯО. Получается, что идентичные формулировки преамбул разных международных договоров предшествуют центральным частям, содержащим не совместимые между собой и даже отрицающие друг друга обязательства. Принимая во внимание одинаковую правомерность и действительность указанных договоров, государства, прежде всего ядерные державы *de jure*, встают не только перед политическим, но и перед юридическим выбором какого-то одного международного режима, однако при этом какая-либо «дополнительная», «новая» мотивировка предпочтения именно режима ДЗЯО отсутствует. Иными словами, преамбула ДЗЯО не обосновывает, почему обладание ядерным оружием *ipso facto* является противоправным. Тот факт, что данные формулировки использовались в конвенциях по запрещению биологического и химического оружия, не может считаться достаточным для аналогии, поскольку с точки зрения международного права, истории всеобщего разоружения и нераспространения, а также роли ядерного оружия в сдерживании и обеспечении международного мира и безопасности статус классов оружия массового уничтожения никогда не был одинаковым, а значит, и основания для его полного запрета должны быть совершенно другими.

Обратим также внимание, что постановку вопроса о «необходимости скорейшего и полного запрета ядерного оружия» не следует рассматривать в качестве новой или самостоятельной инициативы Коалиции «Новая повестка дня – НАС»¹. Впервые данный вопрос в аналогичной формулировке был поставлен еще 14 декабря 1946 г. перед наиболее широким на тот момент форумом государств – Генеральной Ассамблеей ООН². В п. 3 указанной резолюции говорится о существенном шаге «на пути к достижению неотложной цели запрещения и изъятия из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения». В дальнейшем вопрос запрещения ядерного оружия или его применения стал постоянным пунктом повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН³. Свою актуальность данный вопрос не потерял

¹ Вербицкая Т. В. Соотношение Договора о запрещении ядерного оружия и международно-правового режима нераспространения ядерного оружия // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 221; Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Указ. соч. С. 103–105; Нарышкина О. М. Тернистый путь к «глобальному нулю» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. С. 69–83.

² Принципы, определяющие общее регулирование и сокращение вооружений (приняты резолюцией 41 (I) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1946 г.).

³ См., например: Запрещение атомного оружия и сокращение на одну треть вооружений и вооруженных сил постоянных членов Совета Безопасности (резолюция 192 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 19 ноября 1948 г.); Международный контроль над атомной энергией (резолюция 496 (V) Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1950 г.); Регулирование, ограничение и соразмерное сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений: доклад Комиссии по разоружению (резолюция 704 (VII) Генеральной Ассамблеи ООН от 8 апреля 1953 г.); Регулирование, ограничение и соразмерное сокращение всех вооруженных сил и всех вооружений; заключение международной конвенции (договора) о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения (резолюция 1148 (XII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 ноября 1957 г.); Вопрос о созыве конференции для подписания конвенции о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия (резолюция 1801 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г.) и т. д.

и в последнее десятилетие¹. Иными словами, указанная проблема в схожих формулировках обсуждается международным сообществом на протяжении почти 70 лет, и, несмотря на сохраняющуюся актуальность проблемы, каких-либо особых, «новых» оснований экстренной необходимости немедленного запрещения ядерного оружия в настоящее время не существует.

Цели нового международно-правового регулирования, обозначенные в преамбуле ДЗЯО, не прошли проверки временем. Кардинально изменившаяся с 2022 г. конфигурация международных отношений мгновенно выявила практическую «неживучесть» и полную неадаптивность предлагаемого договорного режима к новым политическим реалиям. В отличие от ДНЯО Договор 2017 г. сразу превратился в политическую декларацию слабых в военном отношении государств, не способных внести какой-либо вклад в устранение реальной угрозы новой мировой войны между ядерными державами.

Список литературы

Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. № 3. С. 3–47.

Вербицкая Т. В. Соотношение Договора о запрещении ядерного оружия и международно-правового режима нераспространения ядерного оружия // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 221–225.

Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 35–51.

Гусейнов К. К. Почему невозможен французский «ядерный ноль»? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2019. № 3 (191). С. 185–193.

Договор о запрещении ядерного оружия: формирование нового режима? / под ред. Е. Б. Михайленко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 180 с.

Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6 (582). С. 41–65.

Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. 132 с.

Круглов В. В., Шушлебин А. С. Анализ возможностей иностранных государств по скрытию ядерных испытаний // Военная мысль. 2018. № 2. С. 82–89.

Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1 (336). С. 20–31.

Михайленко Е. Б., Михайленко В. И. Подрывает ли Договор о запрещении ядерного оружия режим нераспространения? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 100–111.

Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.

Нарышкина О. М. Тернистый путь к «глобальному нулю» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. С. 67–88.

Трунов Ф. О. Феномен державы без права на обладание ОМУ/ОМП: Германия и кризис контроля над вооружениями // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3 (107). С. 118–143.

Шушлебин А. С., Кривоногов А. Н. Возможности зарубежных стран по испытанию ядерного оружия в рамках международного договора // I-methods. Т. 10. 2018. № 3. С. 48–55.

Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs. 2019. Vol. 95 (5). P. 1075–1092.

Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415.

Lito M. Introductory Note to Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // International Legal Materials. 2018. Vol. 57. P. 347–349.

Müller H. The Future of the Non-proliferation Treaty // International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017 / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 139–147.

Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // Nuclear Non-Proliferation in International

¹ Резолюция 68/40, принятая 5 декабря 2013 г.; резолюция 70/48, принятая 7 декабря 2015 г.; резолюция 72/50, принятая 4 декабря 2017 г.; резолюция 74/46, принятая 12 декабря 2019 г., и др.

Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 325–353.

Ruff T. Negotiating the UN Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Role of ICAN // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 233–241. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1465908> (дата обращения: 10.01.2025).

Scheffran J. Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30 (2). P. 143–162. URL: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1472565> (дата обращения: 10.01.2025).

Tannenwald N. The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 115–129.

Venturini G. Gender Perspective on Nuclear Weapons and Human Rights // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 99–115.

References

Buzhinskii E. P., Veselov V. A. (2018) Yadernaya politika SShA v XXI veke: preemstvennost' i razlichiya v podkhodakh administratsii Dzh. Busha-ml., B. Obamy i D. Trampa [Nuclear Policy of the USA in the XXI century: Succession and Differences of G. W. Bush', B. Obama' and D. Trump' Administrations]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3, pp. 3–47.

Considine L. (2019) Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition. In *International Affairs*, vol. 95, no. 5, pp. 1075–1092.

Fleck D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 395–415.

Guseinov K. K. (2019) Pochemu nevozmozhen frantsuzskii «yadernyi nol'»? [Why is the French «Nuclear Zero» Impossible?]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, no. 3 (191), pp. 185–193.

Lito M. (2018) Introductory Note to Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *International Legal Materials*, vol. 57, pp. 347–349.

Kozin V. P. (2018) Vozmozhno li sozdat' bez"yadernyi mir k 2045 godu? [Is it Possible to Have Non-Nuclear World in 2045?]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6 (582), pp. 41–65.

Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo suda OON. 1992–1996 gody (1998) [Extracts of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the ICJ. 1992–1996]. New-York, OON, 132 p.

Kruglov V. V., Shushlebin A. S. (2018) Analiz vozmozhnostei inostrannykh gosudarstv po skrytiyu yadernykh ispytaniy [Analysis of Possibilities of Foreign States to Hide Nuclear Tests]. In *Voennaya mysl'*, no. 2, pp. 82–89.

Marusin I. S. (2018) Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya 2017 goda i perspektivy ego primeneniya [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and Perspectives of its Application]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1 (336), pp. 20–31.

Mikhailenko E. B., Mikhailenko V. I. (2017) Podryvaet li Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya rezhim nerasprostraneniya? [Does the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons Undermine the Non-Proliferation Regime?]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennye nauki*, no. 4 (170), pp. 100–111.

Mikhailenko E. B. (Ed.) *Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya: formirovanie novogo rezhima?* [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: New Regime Formation?]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 180 p.

Muratshina K. G., Pashkova T. V. (2019) Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [The People's Republic of China and Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 160–168.

Müller H. (2018) The Future of the Non-proliferation Treaty. In Maiani L., Abousahl S., Plastino W. (Eds.) *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017*. Berlin, Springer, pp. 139–147.

Naryshkina O. M. (2017) Ternisty put' k «global'nomu nulyu» [The Thorny Path to «Global Zero»]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3, pp. 67–88.

Rietiker D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.)

Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy. Berlin, Springer, pp. 325–353.

Ruff T. (2018) Negotiating the UN Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Role of ICAN. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 233–241, available at: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1465908> (accessed: 10.01.2025).

Scheffran J. (2018) Verification and Security of Transformation to a Nuclear-Weapon-Free World: the Framework of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 143–162, available at: <https://doi.org/10.1080/14781158.2018.1472565> (accessed: 10.01.2025).

Shushlebin A. S., Krivonogov A. N. (2018) Vozmozhnosti zarubezhnykh stran po ispytaniyu yadernogo oruzhiya v ramkakh mezhdunarodnogo dogovora [Nuclear Test Possibilities of Foreign States according to the Treaty]. In *I-methods*, vol. 10, no. 3, pp. 48–55.

Tannenwald N. (2020) The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation. In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 115–129.

Trunov F. O. (2020) Fenomen derzhavy bez prava na obladanie OМУ/OMP: Germaniya i krizis kontrolya nad vooruzheniyami [The Phenomenon of a No WMD State: Germany and the Crisis of Armaments Control]. In *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 3 (107), pp. 118–143.

Venturini G. (2019) Gender Perspective on Nuclear Weapons and Human Rights. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy.* Berlin, Springer, pp. 99–115.

Verbitskaya T. V. (2018) Sootnoshenie Dogovora o zapreshchenii yadernogo oruzhiya i mezhdunarodno-pravovogo rezhima nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya [Correlation between Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and International Legal Regime of Non-Proliferation of Nuclear Weapons]. In *Voennoe pravo*, no. 2 (48), pp. 221–225.

Volodin D. A. (2018) Pravitel'stvo Dzh. Tryudo i problemy yadernogo razoruzheniya [The Administration of J. Trudeau and Problems of Nuclear Disarmament]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 5 (581), pp. 35–51.